

Д. Е. Алимов

ХОРВАТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

Этническая идентичность в том виде, в каком она существовала в раннее Средневековье в Хорватии, представляет собой весьма интересную тему для исследования, прежде всего с точки зрения активно обсуждаемого в современной медиевистике вопроса о характере групповой идентификации и этнического дискурса в средневековой Европе. Особенную актуальность изучению практик групповой идентификации в Хорватии придает культурная специфика этой страны, которая, будучи со времен Карла Великого неотъемлемой частью цивилизационного пространства европейского запада, тем не менее характеризовалась ярко выраженным своеобразием социокультурного ландшафта.

В первую очередь необходимо отметить, что сама по себе кристаллизация в начале IX в. политических структур хорватского «княжества» (дуката), очевидно, выросшего из небольшого варварского вожества, существовавшего в хинтерланде Далмации еще в аварский период (VII–VIII вв.), была многим обязана вовлечению этой территории около 800 г. в политическое пространство Франкской державы. Этот факт позволяет современным хорватским медиевистам говорить о Франкской империи как о своего рода «инкубаторе» для формирования хорватской политики [1, с. 40], а также сближать в типологическом отношении раннее хорватское княжество с такими политическими организациями, как Беневентанский дукат и Бретонское королевство [2, с. 74–75]. Показательно, что с пограничными дукатами империи Каролингов Хорватия обнаруживает гораздо больше сходства, чем со славянской Великой Моравией, которая, хотя и находилась под влиянием Каролингов, усваивала франкские порядки весьма поверхностно, что дает основание говорить о развитии здесь форм социально-политической организации, не характерных для Запада того времени, но во многом воспроизводящих распространенные модели социальной эволюции, концептуализированные, главным образом, на азиатском и африканском материале [3]. Возможно, что быстрое и легкое усвоение в Хорватии каролингских норм было, по крайней мере, отчасти обусловлено античным наследием, сближавшим Хорватию с Франкским государством, но весьма отдалявшим от Моравии и других ранних государств, позднее появившихся в Центральной Европе [4, с. 203].

Свидетельства существования в середине — второй половине IX в. таких понятий, как «*dux Chroatorum*» и «*regnum Chroatorum*», зафиксированных в источниках, происходящих с территории хорватского дуката (надписи в церквях и грамоты правителей) [5, с. 321–325; 6, с. 237–239], традиционно рассматривались в историографии как показатель того, что к середине IX в. в Далмации уже сложилась хорватская этни-

Алимов Денис Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет: e-mail: aljmov@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (МК–5950.2012.6 «Потенциальные образования в славянском мире в VII–X вв.: эволюция структур власти и этносоциальные процессы»).

© Д. Е. Алимов, 2013

ческая общность. Между тем, как недавно справедливо отметил Д. Джино, появление подобной терминологии отражало не столько существование хорватской этничности, сколько являлось следствием интеграции далматинских элит в каролингские политические структуры [7, p. 209]. С этим замечанием трудно не согласиться, если понимать его в том смысле, что само представление о хорватах как об общности, возглавляемой собственным правителем (*dux Chroatorum*) и имеющей свое королевство (*regnum Chroatorum*), т. е. как об этнополитической общности *par excellence*, могло сложиться только в период вхождения Далмации в состав *Pax Francica*, когда свойственный христианской письменной культуре этнический дискурс мог быть усвоен местной элитой. Понятно, что групповая идентичность, возникающая вследствие социальной интеракции элит и укрепляющаяся и распространяющаяся по мере становления и утверждения политической организации, может быть осмыслена и репрезентирована как этническая лишь при наличии в социуме соответствующего дискурса. Ясно и то, что в случае с хорватами должен был протекать процесс адаптации хорватской групповой идентичности к тем представлениям о «народах» (*gentes, nationes*), которые существовали к тому времени в постантичной христианской Европе. Изначальная принадлежность Хорватии Западному миру *in statu nascendi* предопределила распространение здесь характерных для Запада форм групповой идентификации, которые определяли «социальное знание» хорватской элиты на всем протяжении средневековой истории Хорватии, прошедшей путь от небольшого дуката на окраине каролингского мира до мощного королевства — форпоста латинской Европы на границе с православным (Византия, Сербия, Болгария), а позднее и исламским (Османское государство) мирами.

Вместе с тем невозможно игнорировать тот факт, что хорватская групповая идентичность, вне зависимости от того, считаем мы ее этнической или нет, появилась задолго до вхождения ее носителей в ареал каролингской культуры. Главным свидетельством того, что люди, именовавшиеся хорватами, издавна играли заметную роль в социально-политической жизни Центральной Европы, является упоминание в источниках IX–XII вв. наряду с далматинскими хорватами более или менее крупных общностей, также называвшихся хорватами, на землях позднейших Каринтии и Штирии, а также далеко к северу от Далмации — в Силезии в районе Судет и в Восточных Карпатах (см. подробно: [8]). Учитывая наиболее убедительную — иранскую — версию происхождения названия «хорват», кажется вполне вероятным, что истоки хорватской групповой идентичности уходят своими корнями как минимум в аварский период, если даже не в гораздо более раннюю эпоху. По крайней мере, на греческих надписях II–III вв., происходящих из античного Танаиса, находившегося в то время в окружении ираноязычного населения, три раза встречается личное имя Χορὸαθς/Χορὸαθος, которое теоретически могло быть образовано от названия некой социальной или родственной группы [9, с. 81–101; 10]. Вместе с тем в период, когда появляются первые письменные известия о хорватах, т. е. в IX в., хорватские правители в Далмации часто именуется в источниках правителями славян. Использование понятия «*Sclavi*» по отношению к хорватам засвидетельствовано не только во Франкском государстве и Риме, где в IX в. название «хорваты» еще не использовалось вовсе [6, p. 231–237], но и в самом хорватском дукате: в двух надписях с именем хорватского правителя Бранимира (879–892 гг.) он именуется «дуксом славян» (*dux Sclavorum*) [5, s. 207, 252].

Таким образом, еще до своей адаптации к франкскому этническому дискурсу хорватская идентичность выступала как идентичность более или менее крупной общности

людей, которая, по крайней мере с IX в., считалась славянской. Возникает вопрос: как группа, обладавшая данной идентичностью, соотносилась с понятием «gens Chroatorum», существовавшим в рамках этнического дискурса, пришедшего в Далмацию из Франкской империи? Несмотря на отсутствие сведений о хорватах в источниках, которые предшествовали бы IX столетию, в историографии не было недостатка в гипотезах, призванных объяснить то, каким образом хорватская идентичность распространялась и трансформировалась в Европе в период до появления в Далмации франков. Так, известия письменных источников, которые, начиная с IX в. фиксируют проживание хорватов в разных частях Центральной Европы, как и наличие на ее карте немалого количества топонимов, очевидно, произведенных от слова «хорват», нередко интерпретировались исследователями как следы существования в более или менее отдаленном прошлом единого «племени», носившего название хорватов, а впоследствии распавшегося на несколько частей. Подобное представление, как казалось, хорошо соотносилось и с известиями нарративных источников X–XIII вв. о ранней истории Далмации, согласно которым хорваты пришли на Балканы с территории древней прародины, располагавшейся где-то к северу от Карпатской котловины (историографию см.: [11]).

Между тем во второй половине XX в. в медиэвистике произошли важные изменения в подходах к проблеме генезиса раннесредневековых «племен» в Западной Европе. Одной из важнейших новаций стала так называемая этногенетическая концепция Р. Венкуса, согласно которой в германском мире эпохи Великого переселения народов «племя», как правило, именовавшееся в латинских источниках термином «gens», являло собой не некую гомогенную группу, основанную на кровно-родственных связях, а гетерогенную общность, возникавшую на основе воинского контингента, сплотившегося вокруг обладавшего харизмой вождя [12]. Идеологически конституирующим элементом такой общности была вера в общее происхождение, отраженная в этногенетическом мифе (*origo gentis*), что очень сближало «gens» раннего Средневековья с тем, что в настоящее время обычно понимается под термином «этнос». Вместе с тем социальная, политическая и «этническая» (т. е. основанная на вере в общее происхождение) идентичности образовывали в рамках данного дискурса нерасторжимое единство. Понятно поэтому, что такого рода этнический дискурс, получивший в концепции Венкуса название гентилизма (*Gentilismus*), функционировал лишь на уровне элиты, хотя на страницах раннесредневековых нарративов название верхнего социального слоя вполне могло распространяться на все население соответствующей политики.

Концепция Венкуса получила широкое применение, а также дальнейшее развитие и детализацию в трудах его последователей — представителей так называемой Венской школы (Х. Вольфрам, В. Польш и др.), однако в последние годы она стала объектом острой критики со стороны историков постмодернистского направления, в особенности представителей так называемой Торонтской школы (В. Гоффарт, А. Мюррей и др.). Последние всячески подчеркивают ту роль, какую в становлении этнического дискурса в раннесредневековой Европе сыграли представители интеллектуальной элиты, образованные индивидуумы, вписывавшие групповые идентичности варваров в те представления о «народах», которые были унаследованы ими от античной этнографии или почерпнуты из Священного Писания [13–15]. Вследствие этого на первый план стал выходить вопрос об адекватности представленной в письменных источниках картины социальным реалиям бесписьменного общества. Думается, что данный вопрос принципиально не решаем вне сравнительно-исторической перспективы, которую мо-

жет обеспечить лишь обращение к такой сфере гуманитарного знания, как социальная антропология, в рамках которой накоплен без преувеличения гигантский материал о формах групповой идентификации в бесписьменных обществах.

Между тем анализ концепции Венкуса в антропологическом контексте в значительной степени остается *desiderata* будущих исследований. Отсюда проистекает и некоторая двойственность в подходах к использованию описанных Венкусом механизмов формирования племен (*Stammesbildung*) к общностям за пределами германского мира. С одной стороны, в историографии подчеркивается принципиальная близость концепции Венкуса распространившимся значительно позднее конструктивистским подходам к формированию этничности, в чем, несомненно, проявляется ее универсализм [16, р. 18–20]. С другой стороны, отмечается ее генетическая связь с традиционными парадигмами немецкой медиевистики, такими как представление о структурообразующей роли в германском мире принципа «господства» (*Herrschaft*), получившее концептуальную разработку в классических работах В. Шлезингера [15]. Понятно, что если рассматривать концепцию Венкуса в этой перспективе, гентилизм может показаться феноменом, обусловленным социальной средой германского мира.

Автору этих строк представляется многообещающим компромиссный подход к проблеме, согласно которому гентилизм был свойством далеко не всех, а лишь отдельных германских «*gentes*», таких, например, как готы, лангобарды, бургунды (см.: [17]). В этом смысле гентилизм следует понимать не как германский тип этничности, а как один из способов формирования этничности в раннесредневековой Европе, обусловленный социальными процессами эпохи Великого переселения народов. Хотя подобная точка зрения на гентилизм уже довольно давно присутствует в историографии, к общностям за пределами германского мира концепция Венкуса по-прежнему применяется крайне редко. В качестве немногих исключений следует назвать аваров, этническую историю которых с позиций Венской школы детально рассмотрел В. Поль [18], а также ранних венгров, в исследовании этносоциального развития которых Е. Сюч использовал концепцию гентилизма (см. об этом: [19, с. 7–9]).

Не случайно, однако, что и авары, и венгры были этнополитическими организациями, сформировавшимися в населенном кочевниками степном поясе Евразии. Значит ли это, что к «племенам», образовавшимся в земледельческом мире славян, концепция гентилизма неприменима? Представление о том, что славянские «племена» принципиально отличались по своему характеру от германских, базируется главным образом на характере славянских «племенных» названий: большая их часть либо указывает на географическую среду обитания, либо имеет патронимический характер, намекая на происхождение от родственной группы (см. обзор: [20, с. 160–177]). Казалось бы, подобные названия хорошо соотносятся с общепринятыми в историографии представлениями об эгалитарном социальном устройстве земледельческих славянских общин, не способствовавшем формированию групповой идентичности на основе самоназвания элитного слоя. Выстраивая логику развития групповой идентичности в акефальном обществе, В. Поль сформулировал концепцию «славянского типа этничности», акцентировав внимание на глубинном различии в становлении этничности у германцев и славян [21, р. 45–46]. В этом же русле рассуждал и Д. Тржештик, предостерегая от уподобления славянских «племен» германским «*gentes*» эпохи великих миграций [22, s. 10].

Однако название «хорваты» не было связано ни с географией, ни с патронимами и, более того, имело неславянское происхождение. Кроме того, как в свое время осто-

рожно отметил С. Гульдеску, кажется любопытным, что из всех славянских народов лишь одни хорваты обладали древней легендой о своем переселении в места нынешнего проживания [23, р. 53]. Оставляя в стороне вопрос о точности данной формулировки, позволим себе согласиться с ее автором в главном: рассказ о поселении хорватов в Далмации, содержащийся в 30-й главе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.) [24, р. 142–145], действительно, ставит перед нами вопросы, актуальные для изучения типологии этногенеза в раннесредневековой Европе. Целый ряд черт этого рассказа позволил исследователям с большой долей уверенности говорить о том, что он не был ученой конструкцией, а воспроизводил, по крайней мере в основных своих сюжетах, хорватскую этногенетическую традицию в том виде, в каком она существовала в середине X в. [25, s. 96–101; 26, s. 15–32; 27, s. 11–31]. Вероятно, к этой же традиции восходит и перекликающееся с известием трактата о семи хорватских вождях сообщение о прибытии в Далмацию семи или восьми «знатных племен» лингонов, содержащееся в «Истории архиепископов Салоны и Сплита» Фомы Сплитского (середина XIII в.) [28, с. 35]. Для нас в данном случае важно прежде всего то, что хорватская легенда обнаруживает структурное сходство как с преданием о происхождении венгров, также зафиксированным в трактате императора Константина (в 38-й главе) (об этом сходстве см.: [29, s. 88–96; 30, s. 32–33]), так и с теми легендами типа «*origo gentis*», которые фигурируют в раннесредневековых источниках применительно к германским общностям эпохи Великого переселения народов (о структурных элементах этих легенд см.: [31]).

Хотя в историографии уже более ста лет присутствует взгляд на пришедших на Балканы хорватов как на некую воинскую группу, подчинившую своей власти славянское население Далмации, понимание хорватского этногенеза в методологической парадигме Венской школы проявилось в исторической науке лишь в самое последнее время, когда М. Анчич на основе концепции этногенеза Венкуса трактовал хорватов как социум, структурно близкий к тем германским «*gentes*», которые формировались на основе воинских групп [32, s. 74–80]. Результаты рассмотрения хорватского этногенетического предания, обнаруживающего в себе все те элементы гентилизма, которые встречались у германских общностей эпохи Великого переселения народов, являются дополнительным обстоятельством, позволяющим всецело поддержать подобное понимание ранней хорватской этничности [33, с. 104–107].

Может ли хорватский гентилизм служить свидетельством неславянского характера хорватской этничности или его следует понимать как закономерный социальный продукт миграции со свойственным этому процессу выдвиганием на передний план — в том числе и в процессах групповой идентификации — воинского дружинного элемента? В свое время Х. Ловмянский, размышляя над путями формирования так называемых «больших племен» в славянском мире, предположил, что в условиях славянских миграций и колонизации новых пространств закрепить название старого «большого племени» на новом месте, образовав новое «большое племя» со старым названием, могли только хорошо организованные воинские группы [34, s. 41]. Подобным же образом рассуждает и М. Анчич, полагая, что под хорватами и сербами Константина Багрянородного следует разуметь правящие слои соответствующих политий, состоявшие из знатных родов [32, s. 74–80; 35, s. 243–244]. Социальная терминология, использованная в трактате «Об управлении империей» при описании миграции хорватов, а именно понятия «ἡ γένεα» («род») и «ὁ λαός» («народ»/«войско»), действительно,

позволяет интерпретировать переселенцев-хорватов в качестве мобильных воинских групп, возглавляемых харизматическими родами знати (об этой терминологии см.: [35, s. 234–237; 36, s. 452]). Показательным в этом плане представляется известие Константина Багрянородного о происхождении рода, правившего в Захумском княжестве, от некой общности, проживавшей на Висле и именовавшейся лициками [24, p. 160–163]. Данное известие, вероятно, основанное на традиции, сохранявшейся в роду захумских князей, знаменательно тем, что позволяет выявить этнический дискурс захумской элиты, противопоставив его «общеплеменной» захумской идентичности, соответствовавшей распространенному среди славян типу идентификации на основе географической локализации (см. попытку реконструировать историю захумской династии, предпринятую на основе данного известия Т.Василевским: [37]). Правда, остается открытым вопросом, в какой мере социальная терминология, применявшаяся в трактате Константина Багрянородного к тем или иным славянским общностям, отражает реальные социальные процессы эпохи миграций, а в какой — присущий данному источнику и византийской историографии в целом этнический дискурс, из чего следует, что каждый случай необходимо анализировать отдельно.

В случае с хорватами есть веские основания рассматривать первоначальных носителей этого названия как группу, тесно связанную с этнокультурной средой кочевников Евразии, представленной в Центральной Европе той эпохи Аварским каганатом. Помимо неславянского, очевидно, иранского происхождения названия «хорват», на это указывают неславянские, в том числе алтайские (см.: [38]) имена семи легендарных хорватских вождей, перечисленные в 30-й главе трактата «Об управлении империей» при описании миграции хорватов и, безусловно, являющиеся элементом хорватской этногенетической традиции. Более того, сам по себе акцент хорватской традиции на борьбе хорватов с аварами, а также любопытный факт размещения не только далматинских, но и вышеупомянутых альпийских, силезских и карпатских хорватов вблизи горных массивов, с разных сторон окружавших Карпатскую котловину, в которой размещалось ядро Аварского каганата, могут быть наиболее адекватно осмыслены в рамках концепции, сторонники которой (О.Кронштайнер, О.Прицак, В.Поль, Л.Маргетич и др.) интерпретируют первоначальную хорватскую идентичность как идентичность особого социального слоя в рамках Аварского каганата (историографию вопроса см.: [39, s. 185–216; 8, с. 136–139]).

В связи с этим обращают на себя особое внимание попытки связать с аварским социально-политическим контекстом и истоки таких славянских групповых названий, как «сербы» и «дулебы», которых в историографии традиционно относят к числу древнейших славянских «племенных» названий. Подобно названию «хорват», эти названия имели неславянское происхождение и встречались в раннее Средневековье в разных уголках Центральной Европы, испытавших в свое время более или менее сильное аварское воздействие. Если в случае с сербами была высказана гипотеза, согласно которой данная общность сложилась на основе одного из иранских харизматических кланов, игравших важную роль в Аварском каганате благодаря контролю над торговлей [40, p. 417–423; 41, s. 30–31], то в отношении дулебов — общности, носившей название германского происхождения, была предпринята попытка увязать их истоки с германоязычным населением каганата, испытавшим структурирующее воздействие аварской социально-политической организации [42, с. 39–42]. Значит ли это, что появление в славянском мире квазиэтнических социальных идентичностей, близких по своему характеру гентильным идентичностям германских элит эпохи Великого пере-

селения народов, является в большинстве случаев аварским или, по крайней мере, не-славянским наследием в процессе этносоциального развития славян?

В последнее время под влиянием конструктивистского подхода к феномену этнической идентичности возникла альтернативная традиционным представлениям о раннем славянском «этносе», рожденном из единого корня, концепция формирования славянской этничности, автор которой Ф. Курта выдвинул тезис о том, что славяне стали именоваться славянами не потому, что они говорили на славянском языке, а потому что их так стали называть другие. Название «склавины» рассматривается Ф. Куртой как собирательное обозначение, появление которого в византийских источниках было вызвано потребностью дать название сложной конфигурации гетерогенных варварских групп, которые неожиданно заявили о себе на дунайской границе империи как своего рода социальная реакция на политику Юстиниана по укреплению лимеса [16]. В рамках данной концепции получила поддержку гипотеза Г. Ланта и О. Прицака, согласно которой славянский язык получил распространение в Центральной Европе не вследствие славянской колонизации как таковой, а вследствие использования славянского языка в Аварском каганате в качестве *lingua franca* [43]. Тезис о роли аварской социально-политической инфраструктуры в процессе «становления славянами» получил развитие в работе Д. Джино, который прибегает к понятию «аварского культурного континуума» для объяснения сразу нескольких ключевых социальных процессов, разворачивавшихся в раннесредневековой Далмации. Согласно Д. Джино, «аварский культурный континуум» не только обеспечил условия для языковой славянизации жителей Далмации, но и способствовал распространению в Далмации характерного для Дунайского бассейна культурного габитуса, признаваемого извне за славянский [7, р. 161–174].

Нетрудно заметить, что модель «аварского культурного континуума» в какой-то мере способна оживить старинный историографический тренд, отводивший аварам важную, едва ли не решающую, роль в формировании в первоначально акефальном славянском социуме воинского слоя, ставшего впоследствии правящей элитой в древнейших славянских княжествах, таких как Хорватия, Сербия и Моравия (Я. Пейскер, Г. Прейдель, О. Прицак). Другое дело, что в настоящее время акцент должен ставиться не столько на оппозиции «славяне — авары», предполагающей абсолютизацию этнокультурной специфики в ущерб социальной динамике, сколько на гетерогенном составе и надлокальном характере идентичности дружинного слоя, испытавшего воздействие аварских традиций. Аварский контекст становления ранних славянских постстарных институтов обычно иллюстрируется в историографии предположительно аварским происхождением такого важного славянского социального термина, как «жупан» (в данном контексте см., напр.: [44, с. 178]). Однако, если славянская социальная терминология остается предметом дискуссий в силу наличия у таких слов, как «жупан», «бан» или «пан», конкурирующих вариантов этимологии, то археологические материалы недвусмысленно свидетельствуют о воздействии аварских традиций на репрезентацию славянских элит. Так, в литературе неоднократно обращалось внимание на то, что элементы позднеаварских поясных гарнитур так называемого «блатницкого» стиля, характерные для элитных захоронений Среднего Подунавья конца VIII — первой половины IX в. («блатницко-микульчицкий горизонт»), начинают появляться в сочетании с дорогостоящими предметами франкского вооружения в один и тот же период и на южных рубежах бывшего Аварского каганата — в Далмации, и на его северной периферии — в долине реки Моравы и на западе Словакии (см., напр.: [45, р. 130–131,

143]). Похожие процессы формирования культурно связанных с аварскими традициями местных элит происходили на окраинах каганата и раньше: на это указывают, например, археологические материалы из Моравии и Карантании [46].

Подобно тому, как это происходило с рождением «*gentes*» в германском мире, путь для становления хорватской гентильной общности в Далмации открылся с политизацией названия «хорват», т. е. с превращением хорватской групповой идентичности в идентичность правящего слоя особой политической единицы. Анализ хорватского предания о переселении с учетом исторического контекста Далмации VII–IX вв., воссоздаваемого по другим источникам, позволяет выделить в этом процессе два важных этапа. Первый из них определялся политической эмансипацией первоначальных носителей имени «хорват» от Аварского каганата, а второй — усвоением ими этнического дискурса, пришедшего из Франкского государства, что позволило им представить себя в качестве «народа» [47].

Интересно, что в хорватской традиции франки так же, как и авары, представляются врагами хорватов, над которыми хорваты одержали победу в длительной войне [24, p. 145]. Это заставляет думать, что репрезентация хорватов в качестве «народа» отвечала политическим интересам хорватской элиты и происходила не столько благодаря франкам, сколько вопреки им. Достаточно указать на то, что во франкских источниках поставарские элиты Далмации, включая тех, кто станет затем известным под именем хорватов, вплоть до X столетия скрывались под такими расплывчатыми определениями, как «славяне» (*Slavi*) и «далматинцы» (*Dalmatini*) [6, p. 231–237], что вполне соответствовало этнографическим представлениям образованных франкских авторов. Разумеется, в подобном словоупотреблении был силен элемент консервативной традиции, заставившей, например, бенедиктинца Готтшалка именовать дукса хорватов Трпимира (около 840–864 гг.) «королем славян» (*rex Sclavorum*) [6, p. 234], но очевидно и то, что процесс стабилизации хорватской групповой идентичности, превращения ее в гентильную в полном смысле слова, был весьма длительным, заметно уступая в своих темпах процессу становления на территории, где впоследствии оформится «королевство хорватов» (*regnum Chroatorum*), надлокальной политической организации.

Противопоставление варварской элиты Далмации аварам и франкам, являвшееся конституирующей основой новой — хорватской — этнополитической общности, было бы невозможно без вполне осозаемых политических успехов тех, кто стал именовать себя хорватами. В этом смысле становление надлокальной политической организации с центром в районе Книна и политическая эмансипация местной элиты от аваров, последующая экспансия книнского вожества в приморскую зону, политическая эмансипация от франков и окончательная кристаллизация «раннего государства» к середине IX в., когда Трпимир приобрел статус чуть ли не полностью самостоятельного правителя, могут сами по себе рассматриваться в качестве важных факторов политизации хорватской групповой идентичности, а следовательно, превращения ее в такую идентичность, которую с определенными оговорками, учитывающими характер соответствующего дискурса в раннее Средневековье, можно считать этнической.

Источники и литература

1. Ančić M. Od karolinškog dužnosnika do hrvatskoga vladara. Hrvati i karolinško carstvo u prvoj polovici IX. stoljeća // Radovi Zavoda za povijesne znanosti Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti u Zadru. 1998. Sv. 40. S. 27–41.

2. *Budak N.* Hrvati u ranom srednjem vijeku // *Povijest Hrvata*. Knj. 1: Srednji vijek / Glavni urednik F. Šanjek. Zagreb: Školska knjiga, 2003. S. 49–79.
3. *Алимов Д. Е.* «Африканский способ производства» в Великой Моравии? (Заметки на полях статьи Иво Штефана) // *SSBP*. 2012. № 1 (11). С. 183–196.
4. *Флоря Б. Н.* Эволюция социальных и общественно-политических структур и возникновение государства // *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.)* / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1991. С. 190–207.
5. *Delonga V.* Latinski epigrafički spomenici u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj (Monumenta medii aevi Croatiae; 1). Split: Muzej hrvatskih arheoloških spomenika, 1996. 608 s.
6. *Budak N.* Identities in early medieval Dalmatia (seventh — eleventh century) // *Franks, Northmen, and Slavs: identities and state formation in early medieval Europe* / ed. by I. H. Garipzanov, P. J. Geary, and P. Urbańczyk. Turnhout: Brepols, 2008. P. 223–241.
7. *Dzino D.* Becoming Slav, becoming Croat: identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia. Leiden: Brill, 2010. 272 p.
8. *Алимов Д. Е.* Хорваты и горы: к вопросу о характере хорватской идентичности в Аварском каганате // *SSBP*. 2010. № 2 (8). С. 135–160.
9. *Майоров А. В.* Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 209 с.
10. *Škegro A.* Two public inscriptions from the Greek colony of Tanais at the mouth of the Don river on the Sea of Azov // *Review of Croatian History (Zagreb)*. 2005. Vol. 1, N 1. P. 9–28.
11. *Heyduk J.* Źródła do tzw. etnogenezy Chorwatów dalmatyńskich w świetle nowej literatury // *SA*. 2003. T. 44. S. 33–51.
12. *Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz: Böhlau Verlag, 1961. 656 s.
13. *Goffart W.* The narrators of barbarian history (A. D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1988. 512 p.
14. *Goffart W.* Does the distant past impinge on the Invasion Age Germans? // *On barbarian identity: critical approaches to ethnicity in the Early Middle Ages* / ed. by A. Gillett. Turnhout: Brepols, 2002. P. 21–37.
15. *Murray A. C.* Reinhard Wenskus on «ethnogenesis», ethnicity, and the origin of the Franks // *On barbarian identity: critical approaches to ethnicity in the Early Middle Ages* / ed. by A. Gillett. Turnhout: Brepols, 2002. P. 39–68.
16. *Curta F.* The making of the Slavs: history and archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. 463 p.
17. *Bowlus C. R.* Ethnogenesis models and the Age of Migrations: a critique // *Austrian History Yearbook*. 1995. Vol. 26. P. 147–164.
18. *Pohl W.* Die Awaren: Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n. Chr. München: C. H. Beck, 1988. 529 s.
19. *Зимони И.* Венгры в Волжско-Камском бассейне? // *Finno-Ugrica*. 2000. N 1. С. 5–41.
20. *Горский А. А.* Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. М.: Наука, 1999. С. 156–221.
21. *Pohl W.* Conceptions of ethnicity in Early Medieval Studies // *Archaeologia Polona*. 1991. Vol. 29. P. 39–49.
22. *Třeštík D.* Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791–871. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2001. 384 s.
23. *Guldescu S.* History of medieval Croatia. The Hague: Mouton, 1964. 351 p.
24. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / greek text ed. by Gy. Moravcsik; Engl. transl. by R. J. H. Jenkins. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1967. 341 p.
25. *Hauptmann Lj.* Dolazak Hrvata // *Zbornik kralja Tomislava (Posebna izdanja JAZU. Knj. 17)*. Zagreb: JAZU, 1925. S. 86–127.
26. *Grafenauer B.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata // *HZ*. 1952. God. V. Br. 1–2. S. 1–56.
27. *Margetić L.* Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // *Zbornik Historijskog zavoda JAZU*. 1977. Vol. 8. S. 5–88.
28. *Фома Сплитский.* История архиепископов Сплита и Салоны / вступ. статья, пер., коммент. О. А. Акимовой. М.: Индрик, 1997. 320 с.
29. *Hauptmann Lj.* Podrijetlo hrvatskoga plemstva // *Rad HAZU*. 1942. Knj. 273. S. 19–112.

30. Klaić N. Marginalia uz problem doseljenja Hrvata // Hauptmannov zbornik (Razprave SAZU. Knj. V). Ljubljana: SAZU, Razred za zgodovinske in družbene vede, 1966. S. 19–35.
31. Wolfram H. Einleitung oder Überlegungen zur *Origo Gentis* // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil 1: Berichte des Symposions der Frühmittelalterforschung, 27. bis 30. Oktober 1986, Stift Zwettl, Niederösterreich / hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse, Denkschriften 201). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1990. S. 19–34.
32. Ančić M. U osvit novog doba. Karolinško carstvo i njegov jugoistočni obod // Hrvati i Karolinzi. Dio I: Rasprave i vrela. Split: Muzej hrvatskih arheoloških spomenika, 2000. S. 70–103.
33. Алимов Д. Е. «Переселение» и «крещение»: к проблеме формирования хорватской этничности в Далмации // СSBP. 2008. N 2 (4). С. 94–116.
34. Łowmiański H. Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n. e. T. IV. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970. 538 s.
35. Ančić M. Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani: Tragom zabune koju je prouzročilo djelo De administrando imperio // Hum i Hercegovina kroz povijest. Zbornik radova. Knj. I / ur. I. Lučić. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2011. S. 217–278.
36. Ditten H. Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jh. // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9. — 11. Jahrhundert / Hrsg. von V. Vavřínek. Praha: ČSAV, Kabinet pro studia řecká, římská a latinská, 1978. S. 441–462.
37. Wasilewski T. Wiślańska dynastia i jej Zachlumskie państwo w IX–X w. // PS. 1965. T. XV. S. 23–61.
38. Mikkola J. J. Avarica // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1927. Bd 41. S. 158–160.
39. Margetić L. Dolazak Hrvata = Anknunft der Kroaten. Split: Književni krug, 2001. 339 s.
40. Pritsak O. The Slavs and the Avars // Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo. Vol. XXX: Gli Slavi occidentali e meridionali nell'alto medioevo. Spoleto: Centro italiano di studi sull'Alto Medioevo, 1983. P. 353–435.
41. Pritsak O. Kroatien und Kroaten während des neunten Jahrhunderts: Das Entstehen einer christlichen Nation // Počeci kršćanskog i društvenog života u Hrvata od VII. do kraja IX. stoljeća. Drugi međunarodni simpozij o crkvenoj povijesti u Hrvata. Split, 30. rujna — 5. listopada 1985 / ur. D. Šimundža. Split: Crkva u svijetu, 1990. S. 23–37.
42. Кубинь А. С. От Ятвязи до Литвы: политические и социокультурные трансформации в бассейне Верхнего Немана в X–XIII веках. М.: Квадрига, 2012. 272 с.
43. Curta F. The Slavic lingua franca (linguistic notes of an archeologist turned historian) // East Central Europe. 2004. Vol. 31. P. 125–148.
44. Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М.: Знак, 2004. 416 с.
45. Curta F. Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 526 p.
46. Daim F. Archaeology, ethnicity and the structures of identification: the example of the Avars, Carantanians and Moravians in the eighth century // Strategies of distinction: the construction of ethnic communities, 300–800 / ed. by W. Pohl and H. Reimitz (The Transformation of the Roman world. Vol. 2). Leiden: Brill, 1998. P. 71–93.
47. Алимов Д. Е. «Франкский эпизод» хорватской этногенетической традиции: идеологический аспект // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции / отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Индрик, 2010. С. 8–12.

Список сокращений

- ČSAV — Československá akademie věd, Praha.
 HZ — Historijski zbornik, Zagreb.
 HAZU (JAZU) — Hrvatska (Jugoslavenska) akademija znanosti i umjetnosti, Zagreb.
 PS — Pamiętnik Słowiański, Wrocław; Warszawa; Kraków.
 SA — Slavia Antiqua. Poznań.
 SAZU — Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Ljubljana.
 SSBP — Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, СПб.

Статья поступила в редакцию 20 апреля 2013 г.